

Юноша в лазурных одеждах прижимался к мужчине в чёрных одеяниях, его бледная кожа и хрупкое телосложение лишь подчёркивали его болезненный вид и слабость. Два кулона — синий и алый, особенно ярко выделялись на их груди, будто молчаливые свидетели, подтверждающие то, что слова не осмеливались назвать.

Вань Син прищурился, оценивая их: один находился на средней стадии Золотого Ядра, другой — на поздней. «Хмф. Совсем не стоит беспокойства.» Он вежливо поднял руку в приглашающем жесте:

— Раз вы так слабы, было бы невежливо заставлять уважаемых культиваторов стоять. Прошу, подойдите внутрь, сядем и поговорим без спешки.

При движении нефритовое кольцо на его большом пальце вспыхнуло на солнце ослепительным блеском, пытаясь затмить Лунную Жемчужину на шее Цзяна Синчжи. Тот невольно зажмурился, ослеплённый этим показным сиянием.

Чжун Мин тут же притянул его ближе, демонстрируя трогательную заботу:

— Ты был великолепен.

Цзян Синчжи: «.....»

Люди секты Юйхуа повели вперёд. Группа миновала горные врата и начала подниматься по ступеням.

По обе стороны тропы тянулись густые, сочно-зелёные деревья, а каменные ступени извивались вверх, к внутренним воротам, будто змея, спрятавшаяся в листве.

Цзян Синчжи, зажатый под рукой Чжун Мина, с трудом дышал. Слишком уж рьяно обнимал его этот «заботливый» спутник.

— Бай Му, что за бред ты несёшь про «Даосского Спутника»? — Тайно передал он мысль.

Выражение Чжун Мина не дрогнуло:

— Это спектакль, разумеется.

Цзян Синчжи:

— Не могли бы мы разыграть что-нибудь другое.....

Чжун Мин приподнял бровь:

— У тебя есть более подходящее оправдание?

Цзян Синчжи: «.....»

Рисковать жизнью ради цветка, чтобы исцелить болезнь Даосского Спутника, — действительно, самая простая и логичная причина. Он временно смирился с этой ролью:

— Но не нужно держать меня так крепко.

Мощная рука Чжун Мина обвивала его, а разница в росте, делала положение почти комичным: Цзян Синчжи едва касался ступеней ногами, будто его несли, а не вели.

— Это чтобы подчеркнуть твою хрупкость и снизить их бдительность, — пояснил Чжун Мин.

Цзян Синчжи подумал, и решил, что это разумно.

Он расслабился и быстро вошёл в роль:

— Тебе стоит проявить больше заботы о моём здоровье.

—

Вскоре они достигли зала. Над входом висела лакированная красная доска с тремя крупными иероглифами: «Зал Почёта Воинов».

Пин Лань и двое других остановились у порога. Вань Син бросил на них взгляд:

— Можете быть свободны.

Пин Лань на миг посмотрел на Цзяна Синчжи — тот как раз приподнял руку, чтобы слабо кашлянуть, от этого простого действия, его тонкая, почти прозрачная кисть, мелко задрожала.....

Даже такие мелочи были сыграны с поразительной убедительностью. Он явно полностью погрузился в роль.

— Да, Мастер, — кивнул Пин Лань и ушёл вместе с товарищами.

Когда они скрылись из виду, Цзян Синчжи и Чжун Мин последовали за Вань Сином внутрь и заняли места.

В зале было холоднее, чем снаружи. Едва Цзян Синчжи сел, как его тут же укутали в плащ, подбитый тончайшей шерстью.

Чжун Мин поправлял складки, хмурясь с преувеличенной тревогой:

— Остерегайся простуды, с таким-то хрупким телом.

Цзян Синчжи: «.....»

Вань Син наблюдал за ними с лёгкой усмешкой:

— Этот уважаемый культиватор поистине трепетно заботится о своём Даосском Спутнике.

Чжун Мин плотнее запахнул плащ и аккуратно завязал шнуровку, будто каждое движение его пальцев было молитвой:

— В конце концов, он мой возлюбленный. Не переносу, когда он хоть каплю страдает.

Эти слова прозвучали мягко, почти шёпотом, но так искренне, что, казалось, даже воздух в зале замер, чтобы их услышать. Укутанный в тёплый плащ, Цзян Синчжи подумал, что если бы всё это не было игрой, если бы его сердце ещё не принадлежало кому-то другому, то такие слова, возможно, заставили бы его душу дрогнуть.

— Ты играешь с неожиданной страстностью. Раньше, когда изображал держателя Лампы, такого рвения не проявлял. Неужели тебе не нравятся «нечеловеческие» роли? — Усмехнувшись, тайно передал он мысль.

— Ну раз я так хорош, то и ты должен хорошо постараться.

— Мм! Приложу все усилия.

Пока они обменивались мыслями в тишине, с главного места донёсся голос Вань Сина :

— Откуда вы двое услышали о цветке на дне озера?

Цзян Синчжи мгновенно вошёл в роль:

— От странствующего целителя. А вы?

Вань Син сухо рассмеялся:

— Упоминалось в древних записях, не более того.

— Понятно, — кивнул Цзян Синчжи с понимающей улыбкой. — Значит, испытание вашей секты основано на содержании древних текстов.

Вань Син на миг захлебнулся:—

Помолчав несколько долгих мгновений, он вздохнул, вплетая в слова долю правды:

— На самом деле... я изучал древние записи в поисках лекарства для Главы Секты, который так же является моим старшим братом по пути Дао. Просто так совпало, что это стало испытанием для наших учеников.

— Ясно, — улыбнулся Цзян Синчжи.

Вань Син не отступал:

— А какова природа недуга уважаемого культиватора?

— Холодный яд, — ответил Цзян Синчжи, прикасаясь к Лунной Жемчужине у груди. Сквозь ткань плаща алый духовный шарик едва мерцал, будто сердце, бьющееся подо льдом. — Моя жизнь поддерживается лишь этой жемчужиной. Потому нам так срочно нужен эликсир исцеления.

— О... понимаю, — протянул Вань Син, и взгляд его несколько раз задержался на этом сияющем камне.

Говорят, что богатство нельзя выставлять напоказ. Эти двое юношей — настоящие глупцы, коли так открыто демонстрируют свои сокровища. Когда придёт время, он просто заберёт эту жемчужину, и тем самым уничтожит одного из них, даже не шевельнув пальцем.

С нижнего места Цзян Синчжи ощутил этот жадный взгляд и, как истинный актёр, начал крутить кулон в пальцах: три раза влево... три раза вправо... демонстрируя его со всех сторон, не оставляя ни единого слепого пятна.

— Ты поистине дальновиден. — Передал он Чжун Мину.

План был прост: показать свою слабость, разбудить жадность и тем самым раскрыть истинную природу человека.

Чжун Мин, давно смирившись с его мышлением, лишь коротко отозвался:

— Мм.

После череды осторожных вопросов и уклончивых ответов Вань Син понял, что больше ничего не вытянет ... по крайней мере, сейчас, поэтому он решил оставить их под надзором:

— Уже поздно. Почему бы вам двоим не остаться в нашей секте? Если позже мы найдём тот цветок на дне озера, то в знак благодарности непременно поделимся с уважаемыми культиваторами.

Глаза Цзяна Синчжи тут же наполнились слезами:— Вы истинный благодетель!

Чжун Мин поднял руку и нежно вытер уголки его глаз, голос его дрожал от сдержанной радости:

— Наконец-то у тебя появилась надежда.

Цзян Синчжи: «Мм!»

Вань Сину не терпелось прекратить это зрелище «глубокой привязанности». Он повернулся к Защитнику Цяню, стоявшему в стороне:

— Отведи наших гостей в Павильон Тумана.

— Да, Главный Старейшина, — склонил голову тот.

Опершись на Чжун Мина, Цзян Синчжи медленно поднялся и вышел из зала.

— Я уже не похож на культиватора стадии Махаяны... Я похож на прикованного к постели инвалида. — Ворчливо передал он.

Чжун Мин бросил на него взгляд. На лице Цзян Синчжи было столько детской радости, будто он не притворялся и страдал, а наслаждался ролью.

Внешне оставаясь совершенно спокойным, Чжун Мин тяжело вздохнул, и крепче сжал тонкое плечо.

<http://bllate.org/book/15487/1373267>